

Nicolson, M. Mountain Gloom and Mountain Glory: The Development of the Aesthetics of the Infinite / M. Nicolson. – Seattle and London: University of Washington Press, 1997. – 403 p.

Ruskin, J. Modern Painters. Vol. III On Many Things / J. Ruskin. – London: George Allen, 1906. – 417 p.

Smith, Charlotte. (n.d) *Beachy Head*. – URL: <http://eng-poetry.ru/PrintPoemE.php?PoemId=1236>. (10.09.2017).

Twitchell, J. Romantic Horizons: Aspects of the Sublime in English Poetry and Painting, 1770–1850. – Columbia: University of Missouri Press, 1983. – 232 p.

Н.И. Завгородняя¹

Алтайский государственный педагогический университет

СЮЖЕТЫ АЛТАЙСКИХ МИФОВ В ПРОЗЕ А.В. КОРОБЕЙЩИКОВА²

Предлагаемый в статье взгляд на модель мира и функции сюжета в текстах А.В. Коробейщикова основан на идее неомифологизма как основной категории и принципе прозы XX века и характеристике постмодернистских текстов. Автор статьи осуществляет реконструкцию «алтайского мифа» на материале романов современного алтайского писателя А.В. Коробейщикова в двух проекциях: «волчий миф» и «родовой миф». Мистические аспекты алтайских сюжетов книг А. Коробейщикова исследуются в культурологической парадигме.

Ключевые слова: А.В. Коробейщиков, миф, художественный космос, сюжет, хронотоп.

N.I. Zavgorodnyaya

Altai State Pedagogical University

PLOTS OF THE ALTAI MYTHS IN THE PROSE OF A. KOROBESHCHIKOV

The view of A. Korobeishchikov's model of the world offered in the article is based on the idea of a neomythologism as the main category and the principle of the XXth century prose and the characteristics of postmodern texts. The author of the article reconstructs the "Altai myth" on the material of the novels of the modern Altai writer AV Korobeishchikov in two projections: "wolf myth" and "patrimonial

¹ Наталья Ивановна Завгородняя, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы АлтГПУ (Барнаул).

² Выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края, проект № **18-412-220004**.

myth". Mystical aspects of the Altai stories of A. Korobeishchikov's books are explored in the culturological paradigm.

Key words: A. V. Korobeishchikov, myth, art space, plot, chronotope.

- Вы что, не видели? Разве волк может так себя вести? Это был не обычный волк! Его послал Хозяин Алтая! Там, в нем... шаман сидел... Там, в волке. Он его глазами на нас смотрел.

Такое, говорят, в этих местах случается...

Андрей Коробейщиков «Х»

- Эта война ведется против свободного Волка в нас самих.

Андрей Коробейщиков «Проводник»

Широкому кругу алтайских читателей имя Андрея Витальевича Коробейщикова известно по циклу романов «Иту-Тай» и последующим романским текстам, в которых продолжают основные линии этой шаманской саги. Мистические аспекты сюжетов книг А. Коробейщикова переплетаются с культурологическими исследованиями, а в книге А. Коробейщикова «Тай-Шин. Волчья Тропа» (2008) обретают форму коанов, в которых реконструируется философия сибирских шаманов Тай-Шин в виде отрывков из сакральной «Зеленой книги охотника» (которая в рамках жизнетворческой стратегии писателя, создающего персональный авторский миф, видится как литературная мистификация). Автор (одновременно писатель, путешественник, создатель и руководитель школы психофизической самозащиты «Белый Волк», исследователь этнической культуры Сибири и Горного Алтая) открывает читателю некоторые аспекты шаманской культуры Тай-Шин с опорой на 10-летний опыт личного общения с носителями этой древней культуры. Структура мифа в поэтике А. Коробейщикова определена представлением о 3-х мирах (Верхнем, Среднем и Нижнем), закрепленном в древней алтайской мифологической культуре. Мифологическая модель круга (цикла) завершается на уровне общей мотивики изданного в 2011 году романа А. Коробейщикова «Возвращение в полдень», где «шаманский круг» становится основной сюжетно- и смыслообразующей метафорой. Универсальный хронотоп, в котором основной персонаж романов А. Коробейщикова реализует свой эмпирический и мистический потенциал, назван Лесом: «Лес связан с темной Землей Прочными нитями. Через них течет великая Сила. Лес связан с Вечно Синим Небом Невидимыми нитями. Между ними расположены Мосты. Верхушки священных Деревьев /

Упираются в небесную синеву. По ним поднимаются вверх / И спускаются вниз светлые Духи» [Коробейщиков, 2011, с. 77]. А.В. Коробейщиков в своей романистике одновременно расшатывает жанровую форму (определяя свои тесты как романы-мистерии, романы-тренинги, информационно-инсайдерские романы) и создает неомифологическую модель Алтая, которую мы реконструируем, исследуя сюжетообразующие принципы романов «Пустень», «Тайшин. Волчья тропа», «Проводник», «Светлень», «Х», «Метанойя». Сам автор применительно к своему творчеству вводит понятие *резонансной литературы*, в которой текст вступает с читателем в отношения «жизнетворческие» (вспомним художественную практику литераторов начала XX века и разнообразие жизнетворческих художественных стратегий последующего времени). У самого А.В. Коробейщикова во вступлении к роману «Х» (2009 г.) читаем: «Книги, которые пишутся только для того, чтобы быть изданными, не имеют силы. Я считаю, что предназначение литературы гораздо глубже... С помощью книги автор пробуждает свое ВНУТРЕННЕЕ пространство и изменяет ВНЕШНЕЕ. Читатель сразу чувствует это. В этом и заложена мистическая связь между тем, кто пишет, и тем, кто читает. В огромном пространстве невидимых связей роман запускает сложные механизмы взаимодействий» [Коробейщиков, 2009, с. 8]. Примечательно, что главным итогом такого рода взаимодействия автор считает вхождение в так называемый «шаманский круг», увенчивающий концепцию литературного «неошаманизма».

Основываясь на определении неомифологизма В. Руднева, обратим внимание, что в роли мифа, «подсвечивающего» сюжет, в романах А. Коробейщикова выступают алтайские предания, бытовая мифология, историко-культурная и автобиографическая «реальность» предшествующих книг, известные и вымышленные художественные тексты (например, «Зеленая книга охотника»). Тексты пропитываются аллюзиями и реминисценциями, а также прямыми цитатами из современной публицистики, прозы, рок-поэзии. Происходит и самое главное: художественный текст сам начинает уподобляться мифу по своей структуре. Основные черты этой структуры: циклическое время, игра на стыке между иллюзией и реальностью, когда писатель придумывает свою оригинальную мифологию, обладающую чертами мифологии традиционной [Руднев, 2001, с. 56]. Так, в романах А. Коробейщикова реконструируется «алтайский текст»: наличие в тексте упоминаний об Алтае, его

природе, структурно-семантический комплекс мотивов и образов, объединенных темой Алтая.

Два главных (генеральных проективных) алтайских сюжета изложены автобиографическим героем А. Коробейщикова в тексте романа «Проводник», где в детективный и мистериальный сюжеты вплетен сюжет «рассказывания» легенды. Герой текста – «сказитель» – Камкурт – ночью у костра погружает своих попутчиков-экзотов в две главные алтайские легенды, одна из которых повествует об истоке «рода волка» (шаманов-охотников), другая – о тех, кто ведет с этим родом вечную войну.

Приведем фрагмент текста романа «Проводник», содержащий развернутое сюжетомоделирующее высказывание:

«Древний алтайский миф говорит о том, что первого Волка создал Хозяин Подземного мира, но не смог оживить его. Тогда он положил его на видном месте и спрятался в норе, ожидая, пока бездушное тело не увидит кто-нибудь из Небесных Богов. Как раз в это время мимо пролетал на орле Повелитель Ветров и Молний и увидел внизу мертвого зверя. Он спустился на землю и вдохнул в него жизнь. В это время из норы выскочил Хозяин Подземелья и хотел забрать свое неудавшееся творение. Однако Волк извернулся и укусил Черного Владыку. Тот поклялся отомстить Волку. Зная о мстительности Подземного Царя, Повелитель Ветра решил взять Волка с собой в небеса. Для этого он дал ему крылья. На протяжении многих лет волки могли летать в небесной синеве вместе с орлами. Но однажды, когда волчья стая осталась ночевать на одной из земных полей, коварный Царь Подземелья украл у них крылья и спрятал их на оборотной стороне Луны. С тех пор волки вынуждены оставаться на земле. Но согласно преданиям, когда заходит солнце, они охотятся за нечистью, которая выходит в сумерках из подземных ходов, в надежде отомстить и вернуть себе свои былые возможности. [Коробейщиков, 2016, с. 177].

Этот устойчивый в текстах А. Коробейщикова образ крылатых волков, охраняющих алтайскую землю, становится лейтмотивным.

Второй комплекс сюжетообразующих мотивов вводится в тексты Коробейщикова героем-рассказчиком также в виде вставной конструкции:

«– Но прежде чем идти дальше, я расскажу вам одну легенду. Это история про один древний Род, живущий на алтайских землях. Род Охотников и Воинов. Их Тотемом был Волк, символ силы и свободы. Им не было равных в ратном искусстве, они трепетно и бережно относились к землям, на которых жили. Их мудрость была настолько глубокой, что они общались с растениями и зверями, и даже дружили с некоторыми из них. Их свободолюбие и сила не давали покоя неким племенам, пришедшим из Востока. Кроме всего, воины этого Рода не позволяли этим чужестранцам продвигаться через их территорию, потому что за всадниками в темных накидах всегда оставались разграбленные и опустошенные земли... И тогда

коварные пришеельцы пошли на подлость. Они использовали свою любимую стратегию – отравление. Они нашли местного колдуна, отравившего змеиным ядом чистый родник, который служил источником воды для племени Волка. И когда воины, женщины, дети и даже собаки черны впади в странное сонное состояние, из-за ближайших гор появились черные всадники... Зная, что этому Роду покровительствует Волк, они отрезали мальчику руки и ноги, и оставили истекать кровью посреди бескрайних лугов, исключая даже шанс на выживание... Жалкий, неопасный, обескровленный, но живой, он должен был дожидаться своей участи, которая надвигалась уже серой тенью сквозь травяные волны. Волк, которому они поклонялись и считали своим Тотемом, должен был съесть последнего представителя Рода, замкнув круг жизни и утвердив превосходства низменных желудочных инстинктов перед древней дружбой... Мальчик уже почти истек кровью, когда из высокой травы прямо на него вышла огромная волчица... Она несла окровавленное тело в зубах, преодолевая пространство огромными прыжками, направляясь в сторону ближайших гор. И лишь когда она надежно укрылась в одной из пещер, то бережно положила мальчика на пол и снова исчезла, появившись уже с небольшим зверьком в зубах. Она разгрызла добычу прямо над лицом юноши, позволяя крови капать ему на губы. Так, день за днем, она ухаживала за раненым, принося ему пищу, воду и целебные травы. Ведь это была не обычная волчица, а древний Дух. Согласно легендам, она научила его становиться ветром, чтобы он мог, как раньше, и даже во много раз быстрее, двигаться по бескрайним лугам своего родного края. Повествуют легенды также и о том, что она родила ему девятирех сыновей, каждый из которых возглавил впоследствии свой Род, почитая при этом свою покровительницу – Волчицу.» [Коробейщиков, 2016, с. 111].

Миф о белой волчице, стоящей у истоков рода алтайских охотников, варьируется и определяет для героев-путников романов А. Коробейщикова сюжет движения к истокам собственной памяти. Оба вектора «волчьего сюжета» орнаментально соединяются и взаимодействуют во всем корпусе текстов писателя.

Фигура Волка (как правило, Белого Волка, особо почитаемого на Алтае) в мифопоэтике А. Коробейщикова обретает центральный (и одновременно маргинальный) статус. «Волчий миф» в текстах А. Коробейщикова ведет свою литературную генеалогию от символических мифологем древней алтайской культуры. Космогония и персоналогия волчьего мифа А. Коробейщикова имеет своеобразный формат символической генограммы, в которой система мифологических соответствий выстраивается следующим образом: «Черный волк» – ночь, земля, воин; «Серый волк» – вечер, вода, охотник; «Белый волк» – день, огонь, шаман; «Синий волк» – утро, воздух, сновидец. Приобщение человека к древней силе и знанию происходит посредством Камкурта (сквозная фигура произведений А.

Коробейщикова, где «чтец» становится «рассказчиком») – воина-волка, воина-шамана, шамана-волка. «Мир людей и мир волков Разделяет страх. Черные духи поссорили их Между собой. Камкурты снова объединяют Две стаи. Камкурты рассказывают людям О волках...» [Коробейщиков, 2011, с. 78].

Таким образом, рассказчик входит в сюжеты текстов А. Коробейщикова как проводник между мирами, сказитель (Кайчи), обладающий двойной природой, из которой и происходит его мистический «билингвизм» (вспомним, что и центральные герои К. Кастанеды, Г. Гессе, Р. Баха осуществляют подобную практику). «Облачный шаман» А. Коробейщикова владеет таинственным искусством айши-хангай («чтение» знаков на небесном своде): «Это потому, что Туманы, Реки и Облака являлись моими верными Посредниками в отношении с миром. Облака иногда складывались над моей головой в такие узоры, что захватывало дух даже у бывалых Чтецов Мира» [Коробейщиков, 2009, с. 76].

Анализируя тексты А.В. Коробейщикова, можно говорить о формулах «алтайского текста», о схеме «алтайского романа», об экзотизации, о негативном варианте сюжета: перемещение героя из «страны жизни» в пространство символической смерти, пребывание в нем и нравственное воскресение, обретение нового качества личности. Эта сюжетная схема восходит к обряду инициации, в результате которой получается новый человек, прошедший испытания и перешедший на новый уровень развития.

Оформлению алтайского мифа в текстах А. Коробейщикова органично сопутствует создание персонального мифа, творческий аспект которого является основным. Так, в романе «Х» автор акцентирует внимание читателя на том, как «действует Айши-Хангай»: «АЙШИ-ХАНГАЙ – “Шепот Ветра”. В этих сакральных ритуалах одни вычитывали скрытые для других тайные знания в Реках, Озерах, Туманах, Облака и узорах Росы. Другие складывали специальные “священные костры”, читая, словно таинственный свиток, тягучий ароматный дым таежных трав и созерцая образы, возникающие в бликах пламени. Мне повезло, я был Белым Чтецом...» [Коробейщиков, 2009, с. 77].

Со всей определенностью в текстах заявлен и топонимический аспект алтайского мифа А. Коробейщикова. Так, Телецкое озеро – место действия мистических сюжетных линий романов «Пустень» и «Х». Вот лишь один из примеров мифологизации данного локуса: «Я тут же вспоминаю одну легенду, согласно которой где-то здесь, на дне Телецкого Озера, застыли в вечном покое сотни воинов... Однажды на дно Золотого Озера ушла под лед целая армия, и теперь ее воины стерегут покой

Алтын-Кель, в полном вооружении застыв между волнами и дном» [Коробейщиков, 2009, с. 21-23].

Миф вновь выносится автором в сюжетно-композиционный план текста. Так, вторая глава романа «X» названа «Река X. Светлый Док» и разделена на две части: 1 – «Храм Богини. Миф о Волнах», 2 – «Хранитель. Миф о Волках». Центральный в художественном мире А. Коробейщикова «волчий сюжет» – миф о метаморфозах – в данной книге представлен в максимально плотном виде: «Волк рождается из плотной глины в темноте ночи. Волк бежит в тенях среди сумеречного густого Леса. Волк взбирается на Гору и садится на ее вершине, глядя в открывшиеся дали. Волк отталкивается от земли и, расправив крылья, устремляется в Небо, не имеющее границ. Это путь к Свободе. Это «Волчья Тропа» [Коробейщиков, 2009, с. 294].

Алтайский фольклор как составляющая мифопоэтики также весьма влиятелен в сюжетах текстов А. Коробейщикова. Персонажи – не просто слушатели алтайских легенд, но и их участники. Так, известная алтайская легенда о черной женщине, соблазняющей путешественников, входит в ткань повествования в образе алтайки-демоницы, женщины-демона, призрачной нимфоманки, в борьбе с которой герой романа «X» Хакер побеждает при заступничестве Камкурта [Коробейщиков, 2006, с. 266-267].

Рамочный тип композиции позволяет автору инкрустировать тексты своих романов сюжетами древнего алтайского эпоса, при этом и стилистика произведения обретает соответствующую фактуру: «Но как только наступали на Алтае Темные времена, сказки оживали. Невидимая Сила опять пробуждалась, словно дождавшись своего часа, и пробуждала к жизни Хранителей... Сила объединяла и тех, и других, пробуждая скрытую в тайниках сознания память предков и необычные навыки, которые превращали их обладателей в шаманов. И стекались в особые, тайные места воины Алтая, чтобы исполнить древнее наследие. И собирались, как это было с давних времен “Ака-Аши”, Народы Серединого Мира. Народ Волка... Народ Медведя... Народ Орла... Народ Рыси... Народ Оленя...» [Коробейщиков, 2009, с. 8].

Мифологический код дает автору возможность разомкнуть алтайский миф в интертекст. Неслучайно и роман «X» завершен сакральным гимном Вождя индейского племени Ория: «Меня не интересует, правдива ли эта история, которую ты мне рассказываешь. Я хочу знать, можешь ли ты разочаровать другого, чтобы остаться верным самому себе. Я хочу знать, можешь ли ты быть верным и поэтому достойным доверия. Я хочу знать, можешь ли ты видеть Красоту там, где вокруг все неприглядно, и можешь ли ты сосредоточить свою жизнь на краю озера и призывать серебро Полной Луны» [Коробейщиков, 2009, с. 360].

В 2016 году вышла книга А.В. Коробейщикова «Метанойя». В ней в художественном космосе Коробейщикова основное напряжение создает космогонический сюжет: «темный ветер» с зеленых холмов «Иту-Тая», вышедшего в начале века, трансформировался в «темную волну» в книге «Метанойя». Апокалиптическая картина, явившаяся герою романа, завершается архетипически определенной точкой: «Огонь был настолько интенсивным, что ВОЛНА выглядела устрашающе черной... Я просто сидел и бездумно смотрел на эту жуткую ВОЛНУ вдалеке. Звери уже никуда не бежали... Они развернулись в направлении горизонта и тоже...смотрели на приближающуюся ВОЛНУ» [Коробейщиков, 2016, с. 1].

Вещество мира в романе Коробейщикова приобретает «свойства жидкости»: «реальность тягуча, как смола. Только...показалось, что выход найден, как тут же вязкая реальность заливает его плотным занавесом обыденности» [Коробейщиков, 2016, с. 10]. Модель мира по-прежнему имеет вертикальный характер: «Мир шаманов и мир людей лежат в одном пространстве, но на разной глубине» [Коробейщиков, 2016, с. 11]. Место перехода между «мирами» становится все более «узким местом». Пространство между «мирами» уплотняется, и герой романа чувствует себя вытесненным из персонального рая: алтайский лес, который для героя-охотника практически всегда составлял спасительную альтернативу городской реальности – становится чужим: «Окрестный лес, который раньше казался мне уютным и сказочным, сейчас настороженно ошетинился острыми ветвями деревьев» [Коробейщиков, 2016, с. 101]. Уплотнение мира герой романа остро ощущает через тело. Именно телесность героя осознается как материя пограничного пространства. Симптоматично, что в качестве эпиграфа автор выбирает весьма концептуальные строки из «Писем с Границы» «Аквариума»:

Мы движемся медленно, мы движемся наверняка,
Меня пространства на ощупь.
От самой нижней границы, до самой вершины холма,
Я знаю все собственным телом [Коробейщиков, 2016, с. 159].

Так, герой-проводник становится героем-пограничником, несущим свою воинскую «службу» на границе миров «между Светом и Тенью» [Коробейщиков, 2016, с. 171]. Воля и усилие героя-шамана – в упорядочивании надвигающегося хаоса, в отличие от обывателя, «похожего на слепца, идущего вперед, размахивая руками» [Коробейщиков, 2016, с. 5]. Интертекстуальную перспективу романа составляет «африканский» сюжет: легенда о сумрачном карлике и история об африканском путешествии Табо, одного из персонажей «Метанойи». Однако пространство памяти героя по-прежнему сохраняет образ

утраченного рая: живой миф о таежном и скальном Алтае периодически высветляет сознание героя, и геометрия умиряет хаос: «Справа от нас тянется череда высоких гор – Северо-Чуйский хребет...Мы сидим за большим скальником, защищающим нас от ветра и солнца» [Коробейщиков, 2016, с. 64].

В идеальном мире проводником для героя становится алтайский охотник Шорхит, удерживающий ученика в «ощущении границы»: «Послушай свое...тело. Ощути, как оно впитывает мир через поверхность кожи. Это его привычные границы. Слушай кожу, ощущай прикосновения...Выйди за свои границы» [Коробейщиков, 2016, с. 65].

Герой, совершая своеобразный ритуал «погружения» в материю мира, учится «чувствовать рукой камень скальника», и это осознанное «заземление» становится условием перехода в новое состояние водного потока. К финалу романа водная стихия приобретает качества плотности и прозрачности: «Мы сидим на берегу горного озера и смотрим в водную гладь. Это особое место. Его называют Озером Горных Духов. И хотя я знаю как минимум три места с таким названием, этому оно принадлежит по праву. Здесь на самом деле стираются границы Яви. Это ощущается во всем – в воздухе, в самой воде, в стене из скал, окружающих озеро со всех сторон, в огромных кедрах, растущих вокруг» [Коробейщиков, 2016, с. 103]. Вновь гармония мира (воздух-вода-земля-дерево) в памятный миг восстановлена героем, и вода в этом мире не устрашает: «Со скальника ниспадает вниз узкая полоска водопада – это талая вода с ледника» [Коробейщиков, 2016, с. 103]. Однако самая таинственная пятая стихия мира Коробейщикова, стихия Пустоты, требует от его героя усилия «крайней границы» – жертвы и символической смерти: «Я подхожу к воде, касаясь ее пальцами ног...Здесь Вход...Волна и Озеро – это и есть идеальные условия...Я иду...Это мой Дар Богине...Я чувствую, как вода растворяет мое тело» [Коробейщиков, 2016, с. 177].

В финальном пассаже текста «Метанойи» Светлая Волна вынесет героя из его Глубины, «перереформатировав» не только его персональную энергию, но и модель мира, в которой открывается символический верх – «мерцающий небосвод», где «звезды...льют свой свет из безграничной Пустоты вниз...И ощущение полета. И восторг. Свобода...» [Коробейщиков, 2016, с. 195].

Как и любой образ радикально иного, чужого мира в культуре, образ Алтая у А. Коробейщикова амбивалентен. С одной стороны – это место символической смерти, с другой – это и место начала новой жизни, где рождается новая личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Завгородняя, Н. И. Алтайский миф в творчестве А. Коробейщикова (к постановке вопроса) / Н.И. Завгородняя // Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции. – Барнаул, 2011. – С. 184-189.

Коробейщиков, А. В. Метанойя / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: Алтайский Дом печати, 2016. – 278 с.

Коробейщиков, А. В. X / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: [б. и.], Алтайский Дом печати, 2009. – 373 с.

Коробейщиков, А. В. Тай-Шин. Волчья Тропа / А.В. Коробейщиков. – Барнаул: Алтайский дом печати, 2008. – 208 с.

Легенды и мифы Седого Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайск. респ. тип., 2008. – 91 с.

Молчанова, О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О.Т. Молчанова. – Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. – 395 с.

Руднев, В. Энциклопедический словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты / В. Руднев. – Москва: Аграф, 2001. – 608 с.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве [Электронный ресурс]: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 237 с.

Тадина, Н. А. Река как образ родины у алтайцев / Н. А. Тадина // Реки и народы Сибири. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 151-159.

Тахо-Годи, А. А. Антей / А. А. Тахо-Годи // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. Т. 1. – Москва, 1991. – С. 83-84.

Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : исследования в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. – Москва : Прогресс-Культура, 1995. – 624 с.

Феофелактов, В. И. Легенды Алтая / В. И. Феофелактов. – Бийск: Бия, 2013. – 254 с.

REFERENCES:

Feofelaktov, V. I. Legendi Altaya / V.I. Feofelaktov. – Biisk: Biya, 2013. – 254 s.

Korobeyshchikov, A. V. Metanoyya / A.V. Korobeyshchikov. – Barnaul: Altayskiy Dom pechati, 2016. – 278 s.

Korobeyshchikov, A. V. KH / A.V. Korobeyshchikov. – Barnaul: [b. i.], Altayskiy Dom pechati, 2009. – 373 s.

Korobeyshchikov, A.V. Tay-Shin. Volch'ya Tropa / A.V. Korobeyshchikov. – Barnaul: Altayskiy Dom pechati, 2008. – 208 s.

Molchanova, O. T. Toponimicheskii slovar Gornogo Altaya / O.T. Molchanova. – Gorno-Altaysk: Alt. kn. Izd-vo, 1979. – 395 s.

Rudnev, V. Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury KHKH veka: klyuchevyye ponyatiya i teksty / V. Rudnev. – Moskva: Agraf, 2001. – 608 s.

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve [Elektronnyy resurs]: kollektivnaya monografiya. – Krasnoyarsk: Sibirskii federalnii un-t, 2010. – 237 s.

Tadina, N. A. Reka kak obraz rodini u altaicev / N.A. Tadina // Reki i narodi Sibiri. – Sankt-Peterburg, 2007. – S. 151-159.

Taho-Godi. A. A. Antei / A.A. Taho-Godi // Mifi narodov mira: enciklopediya: v 2 t. T. 1. – Moskva, 1991. – S. 83-84.

Toporov, V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo / V.N. Toporov. – Moskva: Progress-Kultura, 1995. – 624 s.

Zavgorodnyaya, N. I. Altaiskii mif v tvorchestve A. Korobeischikova: k postanovke voprosa / N.I. Zavgorodnyaya // Russkaya slovesnost v Rossii i Kazahstane: aspekti integracii. – Barnaul, 2011. – S. 184-189.